Ли Чжунцянь сладко спал, а когда проснулся, в комнате было темно. Занавес балдахина был опущен, и сквозь него едва пробивался тусклый свет.

В темноте послышался шорох платья. Стройная, грациозная фигура сидела, скрестив ноги, перед низким столиком лицом к нему, подперев руками подбородок. Ее губы слегка изогнулись, когда она пристально посмотрела на коробочку с благовониями на низком столике.

Это была коробочка для благовоний в виде ракушки с золотой гравировкой в виде цветка и феникса. Крышка была приоткрыта, слабо пропуская светло-зеленый свет.

Девушка была так поглощена разглядыванием, что выглядела очарованной. Не удержавшись, она протянула руку и осторожно открыла крышку коробки. Внезапно появившееся мягкое свечение, похожее на воду, осветило комнату, сияя так же ярко, как свеча.

Оказалось, что в шкатулке для благовоний находилась округлая, гладкая, как нефрит, светящаяся жемчужина из страны Фулин размером с голубиное яйцо.

Ли Чжунцянь сел и размял плечи.

- Тебе нравится?

Это был вопрос, но на его лице расплылась самодовольная улыбка.

Светящуюся ночную жемчужину также называли Жемчужиной Яркой Луны. Увидев ее, он сразу же подумал о своей младшей сестре, чье прозвище было Мин Юэ Ну*, данное Се Вуляном.

(ПП: Яркая Луна)

Ли Яоинь кивнула с широкой улыбкой на лице, ее ресницы были черными и густыми, как смоль:

- Нравится.

Драгоценные камни и нефриты были обычным явлением во дворце, но гладкий, насыщенный блеск и красивая форма этой яркой лунной жемчужины были настоящей редкостью.

Яркий свет жемчужины отражался на ее идеальном, белом как снег лице, а туманный отблеск делал ее черты более живописными, мягкими и очаровательными.

Ли Чжунцянь был ошеломлен, как будто очнулся ото сна. Его глаза феникса слегка сузились, внимательно оценивая Яоинь.

Ли Яоинь боялась жары. Ее длинные черные волосы были уложены в высокую прическу, украшенную бирюзовой короной в виде цветов пиона. Между бровями расположилась нефритово-зеленая инкрустация в виде цветка, а нежные губы словно едва тронула весна. На ней была легкая вуаль туманного цвета, тонкая, как крыло цикады, и разноцветное муслиновое платье с восемью складками, расшитое золотом. На плечи она накинула тканую серебром шаль, расшитую цветами и птицами, а белую шею обвивало ожерелье из нефрита и жемчуга. Ее тонкие брови слегка хмурились изящным изгибом волны. Она сидела, опираясь одной рукой на низкий столик, с улыбкой на лице.

Она всегда была такой наедине: ленивой и небрежной, никогда не стояла, если могла сидеть, не стала бы правильно и честно опускаться на колени, если бы могла прислониться к чему-нибудь. В ее беззаботном поведении не было и следа надлежащей, добродетельной и достойной внешности благородной дочери знатной семьи.

Ли Чжунцянь несколько раз напоминал ей об этом. Яоинь послушно соглашалась, снова и снова обещая измениться, а затем вскоре тихо меняла свою коленопреклоненную позу, либо грубо скрещивая ноги, либо просто откидывалась назад и прислонялась ко всему, что было доступно. Когда он отругал ее несколькими словами, она беззаботно рассмеялась и честно опустилась на колени, но через мгновение снова принималась за старое.

Ли Чжунцянь избаловал Яоинь и не стал бы принуждать ее. Она была его сестрой, поэтому не было необходимости подавлять ее природу. В его глазах Яоинь все еще была невинным и наивным ребенком, прятавшимся за его спиной и просившим отнести ее в переднюю часть сада, чтобы собрать спелые сливы.

В этот момент Ли Чжунцянь посмотрел на Яоинь, купающуюся в жемчужном свете, и вдруг понял, что сам не заметил, как его сестра выросла. Она по-прежнему сидела небрежно, скрестив ноги, но это совсем не смотрелось вульгарно. Глядя на нее, можно было сказать, что она обладала правильным, трудно поддающимся описанию или сравнению, трогательным духом. Ее лицо было ясным и привлекательным, темперамент благородным, но в основе своей мягким, практически бескостным, чарующим и женственным.

Помимо этого она была в расцвете своей молодости, ей не нужно было ни пудриться, ни наряжаться, достаточно было легкого изгиба бровей или слабой улыбки, чтобы тела половины столичных пижонов обмякли.

Ли Чжунцянь слегка нахмурился, внезапно вспомнив стихи, которые читал Сюэ Ву.

Они от природы утонченны, грациозны и изящны,

Внешность чувственная, их настроение отстраненное, чистое и истинное,

Их кожа эластичная и мягкая; их телосложение пропорционально.

Плоть и кости хорошо сочетаются*.

(ПП: «Ода пркрасным дамам», поэт Ду Фу)

Надо было сломать Сюэ Ву вторую ногу! Глаза Ли Чжунцяня слегка потемнели, а его сердце пылало злой яростью.

Подростком он отбросил всякую сдержанность, посещал бордели и проституток, и знал, перед какими женщинами большинство мужчин не в состоянии устоять. Он также знал, о чем думала банда Сюэ Ву в своих сердцах.

Яоинь с недоумением взглянула на Ли Чжунцяня и обеспокоенно спросила:

- Старший брат, у тебя болит голова?

Ли Чжунцянь издал неопределенный звук согласия.

Яоинь нежно похлопала его по руке:

- Я говорила тебе пить поменьше, но ты никогда не слушаешь!

Она повысила голос, чтобы позвать Чун Жу. Служанка приподняла занавеску, принесла горячую воду, полотенца и носовые платки, чтобы помочь Ли Чжунцяну освежиться, и по очереди зажгла позолоченные фонари в четырех углах комнаты.

Яоинь осторожно убрала светящуюся ночную жемчужину и приказала слугам накрывать на стол. Она уже поела и изначально хотела разбудить Ли Чжунцяня, чтобы поужинать вместе, но, видя, как он хмурится во сне, выглядя совершенно усталым, она оставила его в покое.

Суп постоянно подогревался на плите, а баранина тушилась до мягкости. Ли Чжунцянь молча съел две чашки и спросил о Мондатипе. Яоинь уже все обдумала и не рассказала ему о браминском лекарстве, только о том, что Мондатипа не смог вылечить безумие Се Гуйфэй.

Ли Чжунцянь больше не задавал вопросов, а вместо этого спросил:

- Он проверял твой пульс? Что он сказал?

Яоинь улыбнулась:

- Почтенный мастер сказал, что я родилась слабой, но за мной хорошо ухаживали, и пока я тренирую свое тело, ничего серьезного не случится.

Когда Се Гуйфэй была в здравом уме, она присматривала и заботилась о ней. Она всегда была чистой и свежей. Позже Ли Чжунцянь взял ее под свою опеку и искал для нее известных врачей. Каким бы странным ни был рецепт, какими бы дорогими и редкими ни были травы, он находил способ достать их и заставлял доктора готовить из них таблетки, чтобы она могла их принимать.

О ней хорошо заботились, и ее здоровье стало намного крепче, чем когда она была ребенком. Она могла бегать, прыгать и ездить верхом, а также быстро росла.

Ли Чжунцяня это не успокоило, и он попросил слуг принести рецепт, оставленный Мондатипой, а потом сел перед фонарем, чтобы посмотреть на него. Это было всего лишь несколько тонизирущих и питательных рецептов. Он прочитал их один за другим и кивнул.

- Мин Юэ Ну, иди сюда.

Ли Чжунцянь отослал слуг, жестом пригласил Яоинь сесть перед ним и торжественно сказал:

- Вчера вечером я разговаривал с премьер-министром Чжэном и договорился о твоем браке.

Яоинь на некоторое время застыла, не зная, плакать ей или смеяться. Это было слишком поспешно, не так ли?

Ли Чжунцянь бывал очень упрям в некоторых аспектах и должен был найти для нее подходящий брак. Она уже сказала ему, что все еще молода и пока не хочет выходить замуж. Над ее головой всегда висел меч, так что ей совсем не хотелось говорить о браке.

Но Ли Чжунцянь был настроен очень решительно, он придирался здесь и был разборчив там, прежде чем, наконец, остановился на семье Чжэн. Прежде чем отправиться на войну, он упомянул об этом вопросе, но в то время она не согласилась.

Яоинь подумала об этом и осталась при своем решении:

- Старший брат, давай поговорим об этом через пару лет.

Она еще не узнала правду о ненависти и самоубийстве госпожи Тан и не нашла преступника, который отравил Се Гуйфэй и свел ее с ума. У нее действительно не было никаких мыслей о том, чтобы выбрать себе супруга.

Ли Чжунцянь поднял руку, чтобы погладить Яоинь по голове:

- Не бойся, это всего лишь помолвка. Мы обсудим это снова, когда ты достигнешь совершеннолетия. Третий сын семьи Чжэн имеет благородное происхождение, честный характер и приятную внешность. Он добрый, знаком с поэзией и книгами с детства, все правила и предписания знает наизусть. Хотя в настоящее время у него всего лишь незанятая должность в храме Хунлу*, он, безусловно, скоро получит повышение.

(ПП: Это отдел, отвечающий за церемонии и протокол, такие как судебные заседания, банкеты. Иностранные послы и люди должны были сначала зарегистрироваться в храме Хунлу.)

Он действительно говорит о Чжэн Цзине? Яоинь на мгновение онемела.

Когда она покинула площадь Пинкан, Се Цин спокойно рассказал ей, что молодой человек, который в беспорядке вылез из окна, был третьим сыном семьи Чжэн. Яоинь не помнила лица Чжэн Цзина и вообще не узнала его в тот момент. Она лишь подумала, что это был ученый, который впервые забрел в такое место. Когда он услышал шум людей возле ресторана, он подумал, что чиновники идут арестовывать его, и был так смущен, что попытался сбежать, выпрыгнув из окна, и случайно приземлился прямо перед ней.

Вспоминая Чжэн Цзина в то время, покрытого грязью, выглядевшего пристыженным и неловким, Яоинь не могла удержаться от улыбки. Кто бы мог подумать, что застенчивый и посредственный Чжэн Цзин позже достигнет стремительного взлета, став могущественным премьер-министром, обладающим достаточной смелостью, чтобы взять доску-хубан* и ударить молодого императора по губам?

(ПП: дощечка, которую чиновники держали перед собой во время аудиенций у императора)

Она прислонилась к столику и смеялась так сильно, что свет свечей в комнате, казалось, стал немного ярче.

Ли Чжунцянь тут же настороженно нахмурился:

- Над чем ты смеешься?

Яоинь махнула рукой, ее тон был небрежным:

- Ничего.

Длинные, узкие глаза феникса Ли Чжунцяня сверкнули, он внезапно шагнул вперед и, схватив ее за плечи, спросил:

- Сяо Ци, ты видела Чжэн Цзина? Что он тебе сказал? Какого черта ты смеешься?

Яоинь улыбнулась, но ничего не сказала, ее щеки слегка раскраснелись. Она не решилась сказать ему, что наткнулась на Чжэн Цзина во время посещения борделей, иначе что, если он в порыве гнева забьет Чжэн Цзина до смерти?

Лицо Ли Чжунцяня было мрачным, он подумал о какой-то возможности и в его глазах закрутились темные потоки.

- Тебе нравится Чжэн Цзин?

Судя по ее поведению, может быть, у нее с Чжэн Цзином уже есть любовная связь?

Яоинь была ошеломлена и поспешно объяснила:

- Я видела его всего несколько раз....

Голос Ли Чжунцяня был холоден:

- Значит, ты действительно видела его? Сколько раз? Что тебе сказал Чжэн Сан*?

(ПП: третий Чжэн)

Яоинь бросила на него непонимающий взгляд. Она убрала улыбку и оттолкнула брата:

- Я видела его несколько раз, но никогда с ним не разговаривала.

Он уже взял на себя инициативу договориться о ее браке, почему его это волнует? Она еще даже не вышла из себя, почему он злится?

Ли Чжунцянь долго молчал, понимая, что он слишком остро отреагировал, и с несчастным видом отпустил ее руку. Он вздохнул и протянул руку, чтобы помочь Яоинь поправить шаль, соскользнувшую с ее плеча, двигаясь осторожно и подобострастно.

Яоинь слегка хмыкнула и с суровым лицом стянула шаль. Ли Чжунцянь горько улыбнулся, крепко сжимая шаль, его голос потяжелел:

- Сяо Ци, помни, не будь такой, как мать... Не стоит импульсивно отдавать все свое сердце ради минутного юношеского трепета, как мотылек, бросающийся в пламя, только для того, чтобы все надежды и усилия оказались тщетными. Даже если тебе нравится человек, ты должна защитить себя. Будь немного эгоистичной, немного холодной. Не стоит по глупости

бросаться в это с головой.

Яоинь была ошеломлена. Ли Чжунцянь улыбнулся и не стал продолжать. На самом деле, ему не нужно было так нервничать. Сяо Ци никогда не была похожа на Се Гуйфэй. Но он все равно не мог не волноваться.

Яоинь вздохнула и нежно взяла Ли Чжунцяня за напряженную руку.

- Старший брат, не волнуйся.

Она вдруг поняла, почему Ли Чжунцянь не хотел брать жену. Он казался грубым и неотесанным, но на самом деле в глубине души был чувствительным.

Когда он родился, Ли Дэ и Се Гуйфэй были на пике своей любви. Он был свидетелем распри между госпожой Тан и Се Гуйфэй, был свидетелем того, как Се Гуйфэй протрезвела от своих фантазий и разочаровалась, пока ее сердце, наконец, не превратилось в пепел, был свидетелем того, как семья Се прошла путь от своего расцвета до разрушения.

После стольких переживаний он больше ни о чем не заботился.

……

Между братом и сестрой произошла небольшая размолвка, и Ли Чжунцянь, понимая, что он не прав, пообещал Яоинь больше не упоминать о делах семьи Чжэн.

Яоинь почувствовала облегчение.

С тех пор, как она узнала, что она сестра Ли Сюаньчжэня, она внимательно наблюдала и обнаружила, что некоторые вещи совпадают с тем, что она знала: госпожа Тан умерла до ее рождения, Ли Дэ посмертно присвоил ей титул императрицы. Ни у одной из принцесс семьи Ли не было титула, только Чжу Луюнь носила титул Фукан, а Ли Сюаньчжэнь и Чжу Луюнь были действительно безнадежно связаны.

Но были и некоторые отличия: например, Ли Дэ стал императором на два года раньше, чем в сюжете, и у него уже было на троих сыновей и двух дочерей больше...

Сама Яоинь тоже была переменной величиной.

Теперь она просто хотела выяснить, что произошло между госпожой Тан и Се Гуйфэй. Она не хотела, чтобы проблемы, связанные с ее переселением, касались посторонних людей.

……

Восточный дворец.

Ли Сюаньчжэнь не спал всю ночь. Когда он вернулся в Восточный дворец, слуги доложили, что наследная принцесса Чжэн Биюй ждала прошлой ночью до полуночи.

Он потер лоб, зная, что Чжэн Биюй, должно быть, приготовила целую кучу предостережений и советов. Не желая идти слушать нотации своей жены, он развернулся и пошел в кабинет.

Вэй Мин собрал информацию за этот период в докладную записку и попросил Ли Сюаньчжэня прочитать ее. Ли Сюаньчжэнь быстро просмотрел ее и на полпути нахмурился:

- Что насчет Ду Синаня?

Ду Синань был редким талантом. Он проинструктировал министров Восточного дворца, попросив их найти способы завербовать Ду Синаня. Прошло уже несколько месяцев, почему же не было никаких новостей?

Вэй Мин бесстрастно ответил:

- Ваше Высочество, в столице ходят слухи, что Ду Синань уже перешел на сторону второго принца.

Ли Сюаньчжэнь улыбнулся:

- Ду Синань не стал бы подчиняться Ли Чжунцяну. Пошлите кого-нибудь пригласить его снова….

Он на мгновение задумался.

- Нет, никого не посылай. Я лично приглашу его в знак уважения.

Брови Вэй Мина подпрыгнули, и на его лице отразилось затруднение:

- Ваше Высочество, Ду Синань, возможно, и не подчинялся второму принцу… но в столице ходят другие слухи…. связанные с седьмой принцессой.

Ли Сюаньчжэнь промолчал.

Вэй Мин посмотрел на него и продолжил:

- Ходят слухи, что седьмая принцесса восхищается талантом Ду Синаня и время от времени навещает его. Ду Синань был польщен и попал под каблук седьмой принцессы.

Ли Сюаньчжэнь медленно поднял голову. Его узкие глаза феникса были наполнены внутренним светом.

Вэй Мин сказал:

- Ваше Высочество, если Ду Синань действительно министр под юбкой седьмой принцессы, он обязательно доставит нам большие неприятности. Его нельзя будет удержать.

Ли Сюаньчжэнь равнодушно спросил:

- Эта информация верна?

Вэй Мин кивнул.

Ли Сюаньчжэнь ничего не сказал и опустил голову, чтобы продолжить чтение документов. Вэй Мин не торопился. Он поклонился и отступил за ширму. Несколько мгновений спустя он увидел, как Ли Сюаньчжэнь вызвал тайную стражу.

Из тихого кабинета донеслась четкая команда:

- Убей.

Простое слово, резкое и холодное.

http://tl.rulate.ru/book/72517/2325812